

В. Г. Белинский

**Недовольные... Соч. М. Н.
Загоскина...**

Виссарион Григорьевич Белинский

Недовольные... Соч. М. Н. Загоскина...

«...основная идея и цель комедии г. Загоскина нам очень нравится. Честь и слава художнику, который делает такое благородное употребление из своих дарований; честь и слава художнику, который употребляет свой высокий, данный ему богом талант на осмеяние невежества и эгоизма, на исправление общества! Но еще более ему чести и славы, если эта благородная цель гармонирует с направлением его таланта, если она дружна с его вдохновением, если она есть следствие его привычных дум... только под этим условием невежество устыдится своего изображения; в противном же случае оно не узнает себя в нем и будет над ним же издеваться!..»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Недовольные... Соч. М. Н.
Загоскина...**

НЕДОВОЛЬНЫЕ. Оригинальная комедия в 4 действиях, в стихах, соч. М. Н. Загоскина. Дивертисман, вновь сочиненный (?) и поставленный 2-жею Гюльенъ. Спектакль 2 декабря.

Театр был полон: ни одного пустого кресла, ни одной пустой ложи; не говорим уже о прочих местах. Самая внешность театра отзывалась какою-то бенефисного торжественностию; необыкновенное освещение, суетливость и давка в дверях, множество экипажей всех родов возвещали, что во внутренности должно произойти что-то необыкновенное и важное... Не знаю, недавняя ли и еще живая у всех в памяти слава г. Загоскина как романиста обратила общее внимание на его новый драматический труд, или редкость новых оригинальных пьес, даваемых на нашем театре, произвела сильное движение в публике и возбудила ее участие. Как бы то ни было, но съезд был необыкновенный. Это нас чрезвычайно радует, как доказательство, что русская публика никогда и не думала быть холодною к отечественной литературе и особенно театру, как изволят уверять в этом люди, или совсем не знающие нашей публики, или имеющие особенные причины сердиться за ее холодность.

Подобно другим, и мы спешили увидеть новую комедию г. Загоскина, спешили уве-

риться, выиграл ли наш бедный театр хоть что-нибудь в этой комедии. С нетерпением ожидали мы, когда поднимется занавес, и он поднялся, и мы увидели новую комедию г. Загоскина. Несмотря на то, что мы из третьего акта узнали о завязке и развязке комедии, мы просидели и четвертый акт...

Цель комедии г. Загоскина была – осмеять этих невежд, старых и молодых, знатных и незнатных, которые, не будучи ни на что способны и видя себя забытыми и неуважаемыми, обвиняют общественный порядок, находят все русское дурным, все иностранное хорошим, не зная хорошо ни того, ни другого; которые не замечают успехов цивилизации, просвещения и добра в своем отечестве; видя в нем хорошее, закрывают глаза, затыкают уши и молчат или перетолковывают дело назнанку; видя дурное, кричат, что есть мочи. Вот «Недовольные» г. Загоскина; они очень возможны, они есть везде, где только есть люди, потому что где люди, там и эгоизм, а когда эгоизм оскорблен, он всем недоволен. Истинное достоинство молчит, хотя бы оно было и не оценено и оскорблено; мелочное самолю-

бие и ничтожество громко вопиют о сделанной им несправедливости, громко трубят о своих заслугах и своей важности. Если смотреть на предмет с этой точки зрения, то нельзя не согласиться, что автору предстояло поле обширное, обещающее богатую жатву. Посмотрим, как он им воспользовался.

Итак, основная идея и цель комедии г. Загоскина нам очень нравится. Честь и слава художнику, который делает такое благородное употребление из своих дарований; честь и слава художнику, который употребляет свой высокий, данный ему богом талант на осмеяние невежества и эгоизма, на исправление общества! Но еще более ему чести и славы, если эта благородная цель гармонирует с направлением его таланта, если она дружна с его вдохновением, если она есть следствие его привычных дум, если она составляет религию его души и его творческого гения, если она сливается с его бесцельною потребностью творить, словом, если она у него не обдуманый расчет, а бессознательный порыв... Только под этим условием его цель будет целью художника, а не ремесленника, не по-

ставщика на заказ литературных произведений; только под этим условием его портреты будут живые создания, а не мертвые копии; только под этим условием невежество устыдится своего изображения; в противном же случае оно не узнает себя в нем и будет над ним же издеваться!..

Хорошая цель во всем похвальна, в искусствах тем более. Но, в последнем случае, выполнение этой цели – вот одно, что составляет торжество поэта. Мы отдали полную справедливость благородной цели г. Загоскина; теперь посмотрим, каково он ее выполнил.

То же самое чувство беспристрастия, которое заставило нас отдать справедливую похвалу прекрасной цели автора, заставляет нас, к крайнему нашему неудовольствию, признаться, что выполнение этой цели показалось нам неудовлетворительным. Прежде нежели представим наши доказательства, мы считаем нужным заметить, что нашим суждением будет руководствовать одна любовь к истине, что оно будет чуждо всякого пристрастия, всякой личности. Мы ни в каком случае не смешаем г. Загоскина с представителями

литературной черни и будем уметь говорить о его произведении с должным уважением к нему, к публике и к самим себе. Мы уверены, что как публика, так и много уважаемый нами писатель не сочтут нашей твердости, нашего убеждения за невежливость или неуважение к личности автора, хотя наше суждение будет и не в его пользу. Мы всегда умели отдавать должную справедливость его литературным заслугам. Мы уважаем его «Юрия Милославского», уважаем этот роман за благородное чувство любви к отечеству, которым он согрет, за степень таланта, с которою он выполнен, хотя и видим в нем произведение слабое в художественном отношении; мы уважаем его «Рославлева» за картины простонародной жизни, довольно удачно схваченные, хотя и видим в нем еще меньше художественности. Мы уважаем даже его «Аскольдову могилу» за хороший язык, которым она написана, хотя и видим в ней неудачную попытку. Итак, да не осуждают нас в пристрастии к г. Загоскину!

Представьте себе, каково было наше удив-

ление, когда мы в первом акте «Недовольных» узнали что-то знакомое нам, хотя и давно забытое нами! Помните ли вы отрывок из комедии г. Загоскина «Столичные жители в провинции», помещенный в первой части «Московского вестника» за 1829 год? Сначала мы подумали, что г. Загоскин, строго держась предписаний классицизма, писал свою комедию «Недовольные» целые шесть лет; но когда снова прочли напечатанный отрывок, то увидели, что в «Недовольных» он переделан и переиначен. «Столичные жители в провинции» превратились в «Недовольных» и из провинции переехали опять в столицу. Тут нет ничего особенно худого: автору не трудно перенести своих героев не только из какой-нибудь губернии в Москву, но даже из Иеддо в Лиссабон – переезд обойдется дешево, как ни велик он. Но вот что приводит нас в соблазн: мы доселе никак не думали, чтобы однажды созданное поэт мог переделывать по своей прихоти, как хозяин может перестроить по новому плану дом, которого прежним планом он остался недоволен. Неужели творчество есть ремесло, фантазия, наструг,

которым можно помыкать, как угодно?.. Странно, и однако ж, в отношении ко многим нашим авторам, это выходит так!..

Теперь скажем несколько слов о содержании и характерах комедии. О ее плане, завязке и развязке мы предоставляем себе поговорить поподробнее в другое время{1}. Вот действующие лица комедии: князь Радугин, аристократ, богач, промотавший пять тысяч душ оттого, что на рождество ел свежую малину, а на крещение свежие огурцы (маленькая гипербола!); он человек пустой и глупый до последней крайности; он не способен ни к какому делу, ни к какой службе, живет в отставке и сердится, что правительство не замечает его великих талантов, его генияльности и не дает ему места, приличного его богатству, уму и знатности. У князя есть знакомый, Глинский, второй том Сурского, близкая родня Холмину{2}; этот человек олицетворенная ходячая мораль; он говорит не иначе, как сентенциями; вы не станете с ним спорить, вы согласитесь с ним во всем до последнего слова, но смертельно соскучитесь, если поговорите с ним хоть десять минут. Несмотря на

его правильное суждение, на здравый образ его мыслей, он немножко смешон, немножко von homme[1], как все люди, которые бросают бисер перед свиньями, которые с важностью рассуждают с слепыми о цветах, с глухими о музыке. Вот главные лица комедии: на них вертится все ее здание. Князь Любский, министр, приглашает Глинского вступить в службу и предлагает ему место своего товарища. Князь Радугин, давно уже просивший князя Любского о месте, ожидал в это время ответа от него; разумеется, министр прислал ему отказ. Случись же так, что судьбе, или, лучше сказать, автору угодно было сыграть престранную шутку. Письмо министра к Глинскому попало в руки князя Радугина, который показал его (третье действие все происходит на водах) своим знакомым и начал павлиниться, играя роль товарища министра. Только что уходит князь, как является Глинский и говорит, что ему попало, по ошибке в адресах, письмо, принадлежащее князю, а его находится в руках князя. Вот вам завязка комедии «Недовольные»: не правда ли, что она очень проста и естественна? В

четвертом действии к князю являются с поклоном люди, всегда над ним смеявшиеся и, сверх того, поклявшиеся не подличать перед ним. Забавнее всего их предлоги, будто бы заставившие их заехать нечаянно к князю: эти предлоги так же естественны, так же приличны людям хорошего тона, как прилична ошибка в адресах министерской канцелярии. Повторяю, что простота и естественность составляют главное достоинство комедии г. Загоскина. Что ж далее? Разумеется, князь ломается, корчит из себя товарища министра, принимает своих поклонников в халате, обещает им милости; поклонники расходятся с самыми канцелярскими поклонами; человек докладывает о приезде Глинского; князь говорит с удовольствием, что и этот моралист приехал к нему с поклоном, и велит его принять; Глинский является и выводит дурака из его сладкого заблуждения. В это же время поверенный по делам князя докладывает ему, что его имение описано за долги. Князь бесится и бранит Россию. Вы думаете, что он бранит ее за то, что в ней нет снисхождения к таким знатым особам, как он, что в ней перед

законом все равны: ничего не бывало! он бранит ее точно так, как дитя бьет вещь, о которую оно ушиблось, то есть без всякого резону, без всякой причины. Вы думаете, что Глинский воспользуется этим, чтобы спросить его, неужели во Франции законы протезируют должников, а не кредиторов, и фактом докажет ему превосходство России перед Францией, в случае утвердительного ответа князя: ничуть не бывало! он говорит князю грубости, которых никогда не позволит себе человек хорошего тона. Князь говорит, что в России невозможно жить человеку с умом и душою, и этим оканчивается комедия. На первый случай довольно о самой комедии, скажем слова два о прочих действующих лицах. У князя Радугина есть теща, Анисья Дмитриевна Камская, что прежде была Матреной Саввишною Линскою: это лицо хоть кого так поставит в тупик; по своему происхождению, своему богатству и положению в обществе она кажется аристократкою; но по своему образу мыслей и выражения она очень похожа на этих торговков толкучего рынка, которые продают ситцевые рубашки, бумажные плат-

ки и белевые носки. В этом отношении даже знаменитая сваха Саввишна в «Черной немочи»{3}, в сравнении с нею, кажется аристократкою. Камская говорит, что ей придется положить зубы на полку; пожалуй, незамай, с души прет; видя, как посетители вод пошли принимать их, она говорит:

Ну, батюшки, пошли на водоной.

Она подсылает своих лакеев выведывать тайны чужих домов, чтоб иметь пищу для своих сплетней; шпион ее, Афонька, хотел посмотреть, что делается в доме у Волгиных; там был бал, и хозяин дома, оставив гостей, вышел на улицу,

Как вдруг с наскоку

Бряк в щеку!

— Послушайте, за что? —

А вот за что! — да хлысть в другую...

.....

Уж он его катал, катал!

Натешился, устал,

Людишки приняли...

Камская бесится —

Уж я его, мерзавца, dokonаю!

говорит она. Скажите, бога ради, что все это значит? Неужели это картина нашего высшего общества? Неужели эта картина снята с него после «Горе от ума», в 1835 году?.. Где видел г. Загоскин такие лица? И говорят еще, что комедии Фонвизина теперь уже анахронизм! Мы тоже думали, пока не увидели «Недовольных». Но поверим г. Загоскину в существовании такого рода «Недовольных», – теперь другой вопрос: зачем выводить их в комедии? Разве для утешения райка? И в самом деле, раек так горячо хлопал рассказу Афоньки, как никогда не хлопал прошлый век рассказу Терамена{4}. В «Горе от ума» почти все лица гнусны, как люди, но все они естественны, все они люди, а не куклы, пляшущие по ниткам, дергаемым руками дирижера комедии...

Потом, у князя есть сын и дочь. О дочери мы не будем много говорить: это просто бездушная и притом устаревшая кокетка; это еще не беда: жаль только, что она походит немного на горничную. Но сын князя – лицо, важное в комедии. Это мальчик, который за-

учил несколько модных выражений, подобных следующему, которое удалось нам упомянуть:

*...Когда никто из нас не постигал
Ни любомудрия высокой цели,
Ни просвещенья светлый идеал.*

Молодой князек был в Париже, прекрасно говорит и пишет на многих языках и только один русский знает плохо; он обожает все европейское, ненавидит все русское, разумеется, не зная хорошо ни того, ни другого; он служит, но очень нерадиво; три недели не является к должности, получает выговор от начальника, который, между прочим, советует ему поучиться русской грамматике; князек отвечает своему начальнику грубостями, выгоняется из службы с худым аттестатом и в восторге от того, что толпа не поняла его. Сверх того, князек мот, картежный игрок, фат, волокита; он смеется над родным отцом и почти в глаза называет его дураком; словом, это человек без познаний, без правил, без души, без ума, без чести и совести. Здесь явное преувеличение. Верно, г. Загоскин сле-

довал тем эстетикам, в которых говорится, что идеал есть совокупление всех черт, рассеянных в природе, в одно лицо, для выражения той или другой идеи. Врут эти эстетики, и следовать им опасно. Вообще у г. Загоскина любимая замашка – утрировать. Так, например, в своей повести «Три жениха» он представил либерала, который беспрестанно толкует о правах человечества, вопиет против феодального тиранизма и который, в то же время, держит своего мальчишку в железном ошейнике, бьет его, не щадя, из своих рук, плетью; и который, наконец, так неосторожен, так прост, что не умеет скрыть своих варварских поступков и позволяет застать себя на деле...{5} Уверяем г. Загоскина, что молодые люди, подобные князю Владимиру Радугину, не существуют в природе, что только подобные им были у нас когда-то, но что теперь и их уже нет. Неужели у нас нет ничего смешного, ничего порочного, что авторы принуждены прибегать к выдумкам и небылицам? Нет, для Грибоедова общество представляло богатые материялы; теперь он не написал бы «Горе от ума», но написал бы новую и

верную картину *настоящего* общества и так же бы насмешил ею. Но ведь у Грибоедова был огромный талант, если не гений!..

Скучно, утомительно и бесполезно говорить о других персонажах: это все одно и то же, только в разных костюмах и с разными именами. В Запяткине, задушевном друге Владимира Радугина, автор хотел представить что-то вроде Молчалина: это тот же подлец, только понаглее, а главная разница между ними та, что один живой портрет, а другой восковая фигура, без признака жизни и дурно слепленная. Княгиня Глафира Саввишна Дутикова так глупа и нелепа, что совестно и говорить о ней. Федосья Львовна Полканова, как две капли воды, похожа на г-жу Простакову Фонвизина. Граф Мишурский, барон Туруханов – глупцы и подлецы, тоже без малейшей тени естественности. Только Котомкин и камердинер князя Радугина, которого имени мы не можем сказать по причине его дурного этимологического значения{6}, – показались нам естественными и верными портретами, подобных которым можно найти по крайней мере в провинции. Анюта, что прежде была

Наташей, из магазинной швейки превращена автором в компаньонку, и очень неудачно.

Представление было лучше комедии и, однако ж, не произвело на публику никакого впечатления. Всех лучше играл, разумеется, г. Щепкин; если он походил не на князя, столичного жителя, а на Богатонова{7}, провинцияла в столице, это не его вина; всех хуже играл г. Живокини, который, представляя хотя и пустого, но светского человека, очень походил на сидельца овощной лавки. После комедии мы видели какой-то китайский танец, а в этом будто бы китайском танце видели разные ломанья, кривлянья и русские *антраша вприсядку*, видели круги, полукруги, прямые углы в 90 градусов и тупые углы во 150 и более градусов, описываемые ногами. Долго ли эти прямые и тупые углы будут наругаться над благопристойностию и требованиями века?..

Сноски

1

добряк (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Подробного разбора комедии «Недовольные» Белинский не написал. Кратко суровую оценку комедии критик впоследствии повторил в заметке «От Белинского» (см. наст. т., с. 515).

[^^^]

2

Сурский — персонаж романа Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (чч. I–IV. М., 1831). *Холмин* — персонаж из произведения того же автора «Три жениха. Провинциальные очерки» («Библиотека для чтения», 1835, т. X).

[^^^]

3

«Черная немочь» — повесть М. Погодина. Белинский подробно писал о ней в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя».

[^^^]

4

Терамен — персонаж трагедии Расина «Федра», наставник Ипполита, Имеется в виду рассказ Терамена о гибели Ипполита (д. V, явл. 7).

[^^^]

Персонаж из «Трех женихов», о котором упоминает Белинский, – князь Владимир Иванович Верхоглядов представлял собою памфлетное изображение либерального интеллигента. Верхоглядов называет себя «либералом, европейцем», читает западную прессу; его кабинет украшен портретами Лафайета, Гюго, Мирабо, Байрона и т. д., но при этом в своих крепостных Верхоглядов вколачивает «просвещенные понятия» с помощью хлыста. («Три жениха. Провинциальные очерки». «Библиотека для чтения». 1835 г. X, с. 25–103).

[^^^]

6

Имя камердинера князя Радугина – Жохов (жох – хитрый человек, пройдоха, плут).

[^^^]

7

Богатонов — персонаж комедий М. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице» (СПб., 1817) и «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1826). М. Щепкин играл роль Богатонova во второй комедии, первое исполнение им этой роли состоялось 17 августа 1824 г. в Москве; отд. издание комедии – 1826 г. (см.: Гриц, с. 720).

[^^^]

[^^^]